

8. Watson O. Ceramic from the Islamic lands. Kuwait national museum. The al-saban collection / O. Watson. – London : Thames and Hudson press, 2005. – 512 p.

References

1. Bulatov N. M. Klassifikacija kashinnoj polivnoj keramiki zolotoordynskih gorodov Nizhnego Povolzh'ja (Po materialam Carevskogo, Selitrennogo i Madzharskogo gorodishh / N.M. Bulatov // Sovetskaja arheologija. – 1968. – №4. – S.95-109.
2. Vasil'ev D.V. Nekotorye rezultaty issledovanij na raskope №2 / D.V. Vasil'ev // Samosdel'skoe gorodishhe voprosy izuchenija i interpretacii. – Astrahan': Izd-l' Sorokin Roman Vasil'evich, 2010. – S. 36-48.
3. Zilivinskaja Je.D. Otchet o raskopkah na Samosdel'skom gorodishhe v Kamyzjajskom rajone Astrahanskoj oblasti v 2009 g. / Je.D. Zilivinskaja // Arhiv Arheologicheskoy laboratorii AGU.
4. Zilivinskaja Je.D. Raskop №1 / Je.D. Zilivinskaja // Samosdel'skoe gorodishhe voprosy izuchenija i interpretacii. – Astrahan': Izd-l' Sorokin Roman Vasil'evich, 2010. – S. 13-36.
5. Kverfel'dt Je.K. Keramika Blizhnego Vostoka. / Je.K. Kverfel'dt. – L.: Izd-vo Gosudarstvennyj Jermitez, 1947. – 144 s.
6. Koval' V.Ju. Keramika Vostoka na Rusi / V.Ju. Koval'. – M.: Nauka, 2010. – 269 s.
7. Fedorov-Davydov G.A. Zolotoordynskie goroda Povolzh'ja. / G. A. Fedorov-Davydov. – M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1994. – 232 s.
8. Watson O. Ceramic from the Islamic lands. Kuwait national museum. The al-saban collection / O. Watson. – London: Thames and Hudson press, 2005. – 512 p.

ЦЕННОСТНО-КУЛЬТУРНАЯ МОТИВАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ОСНОВА ДВИЖЕНИЯ К СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Власов Сергей Сергеевич, аспирант

Московский педагогический государственный университет
119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
E-mail: serjojo@mail.ru

ЦЕННОСТНО-КУЛЬТУРНАЯ МОТИВАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ОСНОВА ДВИЖЕНИЯ К СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

Vlasov Sergey S., Post-graduate student

Moscow State Pedagogical University
1 Malaya Pirogovskaya st., building 1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: serjojo@mail.ru

Сегодня мы являемся свидетелями того, как в России после почти длительного забвения происходит процесс возрождения частного предпринимательства и, соответственно, его деловой культуры. И в своем становлении российский бизнес столкнулся как с системой институциональных барьеров, так и с существующим в обществе весьма специфическим набором представлений, ценностей, стереотипов и предрассудков, многие из которых сохраняют свою силу и по сей день. Один из главных источников бед современного предпринимательства - это отсутствие необходимой ценностной базы, на которой могло бы быть возведено здание российского бизнеса, отсутствие в обществе своего рода «культуры - союзника», которая была бы не просто совместима с частным предпринимательством, но и сделала бы ценности бизнеса неотъемлемой частью общенациональной культуры, усваиваемой подрастающими поколениями в процессе социализации.

Развитие капиталистических отношений в современном российском обществе про-

исходило без соответствующей системы ценностей и определенной духовной мотивации. Более того, специалисты утверждают, что мы наблюдаем сегодня системную деградацию общества, в котором размыты социально-этические нормы, то есть представление о том, что законно, справедливо и нравственно. Апатия, разочарование, нравственная дезориентация сознания зашкаливают сегодня за критическую точку, когда происходит утрата ценностных ориентиров жизни. Вопрос стоит принципиально: требует ли рыночная экономика этики бизнеса и этических ценностей вообще и совместима ли она в принципе с какой-либо этикой, нравственными или другими ценностями?

На Западе развитию капитализма предшествовала «революция ценностей», которую блестяще представил в своих работах Макс Вебер. Он справедливо обосновывал мысль, что европейский капитализм обязан своим происхождением религиозно-этическому набору ценностей, который обеспечивал воспитание таких черт личности, как трудолюбие, бережливость, честность, расчетливость (назвав совокупность таких предписаний «мирским аскетизмом»), без которых практически была невозможна успешная предпринимательская деятельность.

Протестантские ценности мирского служения и мирского аскетизма обнаруживают сходство с максимами капиталистической повседневности («с духом капитализма»). Таким образом, современные рыночные отношения представляют из себя не только экономическое явление, но и социальное, и этическое образование, не свободное от ценностных измерений. Именно в этом социальном и этическом отношении предпринимательство, бизнес или рыночное хозяйство в «живом» виде не свободны ни от ценностных установок и ценностных ориентаций, ни от «деловой этики», ни от «морали» (как на уровне отдельно взятого предпринимателя, так и на уровне всего рыночного хозяйствования).

В современном российском обществе духовная деградация характеризуется, прежде всего, заменой духовных ценностей на определенные первичные инстинкты – «инстинкт наживы», «инстинкт власти», «инстинкт большого хапка» и пр. Но вся беда состоит в том, что энергетика инстинктов, как бы сильна она ни была, работает только на уровне сиюминутного «выживания», но добиться с их помощью серьезного прогресса в построении современного информационного общества, цивилизованного рыночного хозяйства невозможно. Здесь могут помочь только ценности, такие, как личная ответственность, солидарность, справедливость, совесть, то есть категории не соответствующие прагматическим эгоистическим установкам.

Любая цивилизация строилась на гуманистических идеалах, а не на основе инстинктов «жадности», «выгоды», «жесткого прагматизма». Так, в основе успехов западноевропейского капитализма лежала протестантская мораль, в США культивировали на самом деле не «дикий капитализм» (как это представляют в России идеологии «новых русских»), а культуру деловых и экономических отношений, основанную на Великой Американской Хартии, японское «экономическое чудо» основывалось на традиционном для жителей страны понимании японского патриотизма, гражданского долга и ценностей «синто – буддистско – конфуцианского» синтеза.

Современное предпринимательство, бизнес или рыночное хозяйство только «управляются» объективными экономическими законами, но определяются объективно «живыми людьми», в желаниях и предпочтениях которых наличествует целая совокупность ожиданий, норм, установок, традиций, индивидуальных ценностей, различных моральных и нравственных представлений. Это не только помогает изучению предпринимательства как носителя особого «духа», укорененного в обычаях и нравах определенного народа, его нравственных, правовых и религиозных устоях, но и определяет решение проблем ценностно-нормативной системы и ценностных ориентаций в условиях поддержания рыночного хозяйства, дающего экономическую прибыль в результате действия определенных социокультурных структур и стимулов.

Созданию рыночной экономики в России не предшествовало ценностно-идеологическое продвижение значимости идей рынка и свободного, ответственного труда. «Замордованное» тотальной идеологизацией общественное сознание ответило аллергией на присутствие вообще какого-либо ценностного ряда. Этот аспект особенно тща-

тельно исследовался известным российским социологом Рывкиной Р.В., которая считает, что на смену господствовавшим ранее идеологиям пришел ценностный вакуум. По ее мысли, ценностный вакуум – это закономерный результат тех исторических «словом» общественного сознания, который пережила Россия на протяжении XX века (Революция 1917 г., и вторая антикоммунистическая революция 1991–1992 гг.) [3, с. 451–459].

Современная российская практика и идеология безнравственного обогащения коренится во взглядах постсоветских слоев партийной и государственной номенклатуры позднебрежневской эпохи. Многотысячная армия чиновников и их семей эволюционировала в феномен мощной, хищной и своеобразной в субкультурном отношении клановой олигархии. Эта идеология безнравственного обогащения основывалась на *рентоориентированном поведении*, как правило, малообразованных людей, сделавших свое состояние несправедливым путем.

В условиях, когда социум находится в переходном состоянии, именно культурно-духовный фактор (система духовных ценностей, традиций, нравственных принципов и норм и пр.) приобретает особую важность, становится приоритетным во всей совокупности факторов развития (экономического, политического и т.д.)

Однако рыночные реформаторы и идеологи в России исповедовали совсем иную экономическую философию: *сначала сильная экономика, а потом культура и нравственность*. Проблемы ценностной основы действующих субъектов в предпринимательской деятельности, как и вопросы «моральности» хозяйственной системы в целом выглядят в этой схеме антагонистически противоположными. К чему это привело в целом, какие «запустило» социальные и «нравственные» процессы, показывает характер сложившейся экономической системы, которую сами же реформаторы-либералы называют «экономикой торга» или «экономикой анархии».

В общественном сознании сегодня сложился своеобразный образ «идеального» предпринимателя, который позволяет говорить о наличии культурных ориентиров в России. Исследователи отмечают две конкурирующие между собой модели общественной легитимации частного предпринимательства – традиционной и современной. «Традиционная» модель опирается, главным образом, на ценности советские и отчасти дореволюционной культуры: такие, как труд, аскетическая этика жертвенности и долга (перед обществом, народом – в дореволюционный период, перед государством – в период советской истории). Идеалом тут является предприниматель – производитель, руководитель, хозяин, необходимость которого уже в полной мере осознана российским обществом. В «современной» модели труд предпринимателя оценивается, главным образом, через такие понятия, как «творчество», «профессионализм», делается акцент на активную жизненную позицию, культ успеха. Несомненно, что сегодня традиционная модель легитимации является наиболее укорененной в культуре. Однако сфера ее действия изначально ограничена: она теряет свою силу в тех сферах предпринимательской деятельности, которые не связаны непосредственно с производством (например, торговля, финансы, информационные технологии).

Обнадеживают в этом отношении некоторые тенденции, которые наметились в современном бизнес-сообществе, а именно серьезное инкорпорирование концепции *социально ответственного бизнеса* в свою предпринимательскую среду. Большой бизнес сам, ощупью и не без влияния экономических процессов глобализации находит свой путь к модели социальной ответственности. Причем продвигается он к ней как бы с двух сторон: с одной стороны, это движение в направлении активного освоения практики *нового социального партнерства* (или партнерства в области общественных отношений), с одновременным поворотом к индивидуализации социально-трудовых отношений, а с другой стороны – явное движение в сторону более социально ответственного поведения как в сфере трудовых отношений, так и в отношениях с территориями и представляющими их общественными административными структурами [2, с. 308–344]. Как показывают эмпирические исследования, западный и российский большой бизнес, если не в целом, то в значительной части начинает сознавать *ущербность нелиберальной философии «чистого рынка»*, ее негативное воздействие не только на состояние общественных от-

ношений, социальное здоровье общества, но и на непосредственные, чисто экономические результаты своей деятельности.

Еще более глубоко идет концепция «корпоративного гражданства». Зародившись несколько лет назад в странах Западной Европы, она представляет собой более развернутый и «осовремененный» вариант доктрины социальной ответственности бизнеса. В отличие от этой последней, в данной концепции значительно больший упор делается на конструктивных отношениях с институтами гражданского общества. Своего рода сверхзадачей концепции является такое развитие внутренних и внешних отношений крупных бизнес-ассоциаций, которые позволили бы им более или менее органично вписаться в инфраструктуру гражданского общества [4, с. 29].

В свое время выдающийся русский философ И. Ильин писал: «Живя в государстве, люди, объединяются не просто территорией или общим подчинением, они объединяются в совместном волевом напряжении и волевом действии» [1, с. 3]. Совместное «волево действие» становится возможным на основе единой системы ценностей и четко определенных в этой связи целей и способов их достижения. *Попытки разрушить эту некогда единую систему и отсутствие понятных и близких для большинства людей целей реформирования приводят к усилению социальных антагонизмов, конфликтов, идейно-нравственной дезориентации, понижают уровень общественного согласия и сотрудничества в обществе, затрудняют поиск новых форм общественного устройства, адекватных историческим условиям.*

Список литературы

1. Ильин И. О. Родине, власти и смерти / И. О. Ильин // Независимая газета. – 30 декабря 1994. – С. 3.
2. Рывкина Р. В. Драма перемен / Р. В. Рывкина. – М.: Дело, 2001. – С. 451–459.
3. Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений / С. П. Перегудов. – М.: Наука, 2003. – С. 308–344
4. From collective bargaining to social partnership: New roles of the social partners in Europe. – Copenhagen, 2001. – P. 29.

References

1. Ilin I. O. Rodine, vlasti i smerti / I. O. Ilin // Nezavisimaya gazeta. – 30 dekabrya 1994. – S. 3.
2. Ryvkina R. V. Drama peremen / R. V. Ryvkina. – M.: Delo, 2001. – S. 451–459.
3. Peregudov S. P. Korporatsii, obshchestvo, gosudarstvo: Evolyutsiya otnosheniy / S. P. Peregudov. – M.: Nauka, 2003. – S. 308–344
4. From collective bargaining to social partnership: New roles of the social partners in Europe. – Copenhagen, 2001. – P. 29.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЮГА РОССИИ В СВЕТЕ ВЛИЯНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Смольев Владимир Валерьевич, студент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: black_imperar@mail.ru

За прошедшие 20 лет после распада СССР на южных границах России неоднократно вспыхивающие межнациональные и межэтнические конфликты между государствами Закавказья, а так же серьезные социально – экономические проблемы в странах региона привели к массовому миграционному оттоку населения из стран Южного Кавказа в Российскую Федерацию. Это привело, в свою очередь, к росту ксенофобии и конфликтогенной ситуации в южных регионах России. Незаконная массовая миграция привела к усугублению криминогенной ситуации в регионе. Нелегальная миграция так же имеет резко негативное значение для российской экономики и